

Т.Г. Комиссарова

Дворец творчества детей и молодежи г. Вологды

«МИР ДЕТСТВА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА: СИТУАЦИИ РОЖДЕНИЯ, КРЕЩЕНИЯ, БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ РЕБЁНКА

Статья посвящена проблемам когнитивной диалектологии, в частности, осмыслению представлений о детях и детстве в языковой картине мира вологодского крестьянина. Концепт «детство» характеризуется как совокупность ситуаций, из которых складывается жизнь человека: в статье подробно описаны ситуации начала бытия (рождения, крещения, имянаречения) и его окончания (болезнь и смерть ребенка). Выводы работы основаны на анализе речевых иллюстраций «Словаря вологодских говоров» и устных рассказов сельских жителей, опубликованных в серии изданий «Народная речь Вологодского края».

Когнитивная диалектология, концепт «детство», вологодские говоры, диалектная языковая картина мира.

Когнитивная лингвистика проявляет большой интерес к изучению феномена языковой картины мира. Этот термин, введенный в науку немецким языковедом Л. Вайсгербером, понимается сейчас как представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях [16, с. 68] или как результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества [8, с. 112]. Среди функциональных вариантов национальной языковой картины мира особую значимость имеет *диалектная языковая картина мира*, специфика которой проявляется «прежде всего, в характере восприятия окружающего мира диалектным сообществом и в особенностях языковой репрезентации этого мира» [4, с. 68], определяется тем, что она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, характерные черты крестьянского труда, носит естественный характер и проявляет себя в устноречевой деятельности преимущественно в бытовой сфере коммуникации.

Для диалектной языковой картины мира весьма существенен круг представлений, связанных в сознании диалектоносителей с детством как особым периодом бытия человека. Этой проблеме посвящены исследования многих российских диалектологов [5; 9; 20; др.], в том числе и на материале вологодских говоров [12; 14; 15; др.]. В нашей работе «мир детства» рассматривается как комплекс субъектов и объектов, связанных в народном сознании с детством [6], и ситуаций, из которых этот период бытия складывается. В качестве гипотезы исследования принимается положение о том, что вербализация «мира детства» в речи жителей Вологодского края реализует типологические черты диалектной языковой картины мира – приоритетность биологического выживания и социальной адаптации, парцеллированность, утилитарность, стереотипность и экспрессивность.

Детство как период бытия человека формирует комплекс представлений, сфокусированных в субъектно-объектной, акциональной и аксиологической сферах. Бытийный концепт «детство» может быть описан как совокупность значимых ситуаций, из которых складывается жизнь человека, начиная от его рождения и заканчивая либо взрослением и переходом в другую возрастную категорию, либо смертью в младенческом или детском возрасте. Каждая из этих ситуаций может быть интерпретирована с позиций основного действия или комплекса действий в их причинно-следственном взаимодействии, с точки зрения состава субъектов и объектов ситуации, ее пространственно-временной характеристики, а также системы факторов, оказывающих на эту ситуацию позитивное или негативное влияние [15, с. 18]. В данной статье, опираясь на записи устной речи сельских жителей Вологодского края, мы рассматриваем наиболее значимые из этих ситуаций, связанные с «миром детства». Среди всех возможных ситуаций мы выбрали ситуации возникновения бытия (беременность, рождение ребенка, его крещение и имянаречение) и его прекращения (болезнь, смерть, погребение). Выбор этих ситуаций определяется тем, что их анализ наиболее ярко характеризует особенности восприятия «мира детства» языковым сознанием сельских жителей Вологодского края.

БЕРЕМЕННОСТЬ, РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА

Способность женщины к рождению детей оценивается информантами как физиологическая норма (*А у меня робёнок за робёнком покатили ошо (смеется). Опеть в декрете, опеть рожаю. Пять штук нарожала... Я вот вышла замуш, ак у меня ошо гот не было. Баушка фсё ошо бранила меня: «Кобыла и не носит и робят, кобыла и не носит». Потом как начала с одново-то ей. Как на: кобыла-то! (Н.Д. Шиловская, 1938 г.р. [7, с. 173]).* В противоположность этой норме в диалектной речи существуют названия жен-

щин, страдающих бесплодием (*Детей-то я не крестила, яловая я* [18, вып. 12, с. 134]; *Ялая она, не забрюхатела* [18, вып. 12, с. 134]) или не состоящих в брачных отношениях (*Настя – она невыхожая, всю жись работала на сноху да на племянника* [19, с. 292]; *Золовушка-то до сих пор жива. Старица она, дак чего ей сделается?* [18, вып. 10, с. 121]; *Замуж не вышла, дак дома долго сидела. Ой ты, говорят, парунья!* [18, вып. 7, с. 12]). Представления о репродуктивных функциях женщины выражаются в диалектной речи практически в тех же выражениях, что и о животных: «зоологический код» используется для вербализации способности или неспособности к деторождению (ср.: *ялая* «бесплодная, неоплодотворенная (о самках сельскохозяйственных животных *Ялую корову я держать долго не буду* [18, вып. 12, с. 134]), обозначения физиологического состояния беременности (*Он чуть берёжюю лошадь-ту не загнал* [18, вып. 1, с. 29]; *Маруська-та берёжая была* [22]), рождения потомства (*Марья-то, слава Богу, опросталась* [18, вып. 6, с. 67]; *Поди уж на той нидиле-то опростаться должна корова-та* [22]) или неблагоприятного исхода беременности (*избережаться* «преждевременно родить нежизнеспособный, мертвый плод» *Я вот избежала, дак он и умер; Корова у Максименковых избежала, дак сейчас снова быка ищет* [18, вып. 3, с. 7]). Сходные явления в других русских (донских) говорах ранее отмечала Т.Ю. Власкина, обращая внимание на то, что общность вербализации жизненных циклов животного и человека свидетельствует о синкретизме восприятия мира живой природы в диалектно-языковом сознании [1, с. 91].

Обозначения состояния беременности в вологодских говорах характеризуют физиологическое состояние женщины через признак наличия у нее большого живота (*Брюхатая она, в декрет скоро* (Кир. Борб.); *Шура тама с животом сделала, а к Петрову дню уж и родила* [19, с. 114]) или присутствия внутри него какого-либо предмета (♦ *оставить пуговицу* «оплодотворить, сделать беременной» *А муж в армии, дак никак не назовут, ей положено ждать, да если пуговицу оставит, она куда денется* [18, вып. 7, с. 107]; ♦ с *кишкой* «о беременной женщине» *ДеУка, ты ведь с кишкой, а така молодая* [18, вып. 3, с. 87]). Подобного рода образования выполняют табуистическую функцию, иносказательно обозначая одно из наиболее важных для женщины физиологических состояний (ср. также: ♦ в куче – *Она уж седьмой месяц в куче. Обрюхатил её кто-то* [18, вып. 10, с. 25]; ♦ на живые ножки – *Бабы-то сказывали, что она уж из городу на живые ножки приехала* [19, с. 113]).

Различные проявления организма, сопутствующие беременности, называются глаголами в безличной форме или глагольными сочетаниями (*Как у Гельки – всё жмётся, не ест, всё её лихотит. Гастрит признали. Мы говорим: «Ешь всё. Вытошинит – и снова ешь. А ты не на живые ножки? Ты ведь с мужем живёшь»* [18, вып. 4, с. 42; 19, с. 114]; *А и повитухи-то бабушки были, дак позовёшь – и придут. А я-то дома одна была, заперенимаёт, зарежёт живот-от – и родишь* [18, вып. 2, с. 137]; *Зачнёт перенимать и спину, и брюшину, как рожает* [18, вып. 7, с. 41]). В исследуемых нами источниках вербализуются

наблюдения, касающиеся внешнего вида и поведения беременной женщины: *Если пузо торчком ходит, дак говорят, парень будет, а к девке дак худеёт, небаская стаёт – девка, говорят, всю у матери красоту-ту съедает* (Межд. Тур.); *Бабушки рассказывают запукки. Запуки-то строгие* [18, вып. 2, с. 114; 19, с. 144]; *Беременной с приколкам да с ножам не больно было надо возиться, чтоб робёночку не навредить* (Кир. Борб.); *Она её озычала тоУда. В положенье, дак ходи да оглядывайсё, как бы не озычали бабы-те* [18, вып. 6, с. 39; 22]; ♦ *родить порчу* «родить мертвого ребенка» *Переступила она через порог, так тут и родила. А он те! Порчу родила-то* [18, вып. 9, с. 62].

В исследуемом нами контенте немного высказываний относительно возраста, благоприятного для рождения детей: они указывают на заметно молодой возраст женщины (*ДеУка, ты ведь с кишкой, а така молодая* [18, вып. 3, с. 87]) или на сопутствующие ему обстоятельства: *Иишо толькё сошлись, и угла своёго нет, и учатся оба – а гляди ж ты, с брюхом ходит* (Кир. Борб.). Значительно чаще предметом обсуждения является социальный статус беременной женщины: *У Анны мужика нет, а робёнок – выпороток* [18, вып. 1, с. 97]; *Нагулыша-то принесёшь, дак матке не больно приятно. Раньше это позор был* [18, вып. 5, с. 33]; *Везде топерь сколотней много стало, роспустилисё совсем девки* [18, вып. 10, с. 25]; *Сколотеньем-то и имена небаские дают – Пут да Пахмут* [18, вып. 10, с. 25]. Вместе с тем высказывания многих информантов находят оправдательные причины появления в семьях незаконнорожденных детей: *Замуж-то тятка не отдавал, так пригулыша принесла* [18, вып. 8, с. 46]; *Я не выходила замуж, у меня приколоток, мне не выпало женишка-то* [18, вып. 8, с. 51]; *После-то войны какие в деревне жонихи? Кто вековухам осталсё, а кои и нагулышой родили* [22]; *У меня три золовки, и все робетници: семья бедная была, дак никто и не сватался* [18, вып. 9, с. 58].

Местом рождения детей были баня, дом, медицинское учреждение: *Рожёнки уйдут в баню, да и лежат там, покуда не родят* [18, вып. 9, с. 63]; *Старухи-то в бане рожали, с баушкам, а мы уж по черёдному, с фершелицам* [22]; *А и повитухи-то бабушки были, дак позовёшь – и придут. А я-то дома одна была, заперенимаёт, зарежёт живот-от – и родишь* [18, вып. 2, с. 137]; *Меня рожать-то в Кириллов свезли, в больницу, а роды-то пошли не так – пуповиной обвило всю шею-то, думали, задохнется. А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Да я и назвала Ольгой* (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.). В противоположность этим «правильным» местам рождения детей информанты называют «неправильные», не приспособленные для этого места: *Бабы-те и в поле, бывало, опрастывались* (Межд. Тур.); *Фаина-то медсестрой была, дак оттуда с девочкой вернулась, на фронте и родила* (Кир. Борб.); *Иван вон Клашу вёз в район, дак она дорогой и родила, в розвальнях* [22]. В ситуации рождения детей, кроме места, имело значение соответствие времени появления ребенка на свет церковным правилам (с точки зрения предполагаемого зачатия не в пост, а в «разрешенное» церковным календарем время): *А вот когда привезли меня в*

церков крещат, а это было в аккурат в весеннюю пашню и поп Ксанфий находясь в поле, категорически отказался идти в церковь до вечера, всячески ругаясь темных деревенских мужиков, мало того что делают ребят не вовремя, да еще и крещат везут в рабочий день (В.А. Морозов, 1906 г.р., цит. по [2, с. 68]). Обращалось внимание на количество детей, одновременно рождаемых одной матерью (У продавца-то, у Гали, двое девочек, двойнички они. Говорят, мало ведь двойничные живут [18, вып. 2, с. 11]), а также принимались во внимание квалификация и опыт помощников роженицы, используемые ими специальные приспособления и приемы помощи: Фершал у нас хорошая была. Она два раза у меня рождёнки принимала [18, вып. 9, с. 63]; Меня рожать-то в Кириллов свезли, в больницу, а роды-то пошли не так – пуповиной обвилю всю шею-то, думали, задохнется. А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Дак я и назвала Ольгой (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.); ...Ох Васятка и несчастливой же ты у меня народился, прямо сказать не везучий, да и в родах ты мучал меня двое суток и теперь мука с тобой, а что еще будет когда вырастешь, – не знаю!! И в самом деле, как потом рассказывала бабка повитуха Андрияновна, что матка твоя рождая тебя мучилась двое суток, что ты, т е Я пошел в родах не как следует, а наоборот и что долго не хотел рождаться и меня хотели извлекать по частям, и ладно Бабушка нашла в своей памяти двух святых Власия и Федосия, которые услышав её молитву, спасли и мать и меня от неминуемой смерти, а то говорит и царские ворота в церкви открывали и молебн служили о здравии и было молено всем богам и святым Святой богородице и её сыну исусу а помощи не от кого кроме вот этих святых Власия и Федосия не было (В.А. Морозов, 1906 г.р., цит. по [2, с. 67]).

Саму ситуацию рождения младенцев информанты описывают, как правило, весьма скупой: Вон у Виюшки пятёро рождались, а ни один не пожил робёнок-то (Кир. Борб.); Валька-то моя вышла замуж да Алексея-то и изродила [18, вып. 3, с. 37]; Выродила я деушку-ту свою в самый-то мороз (Межд. Тур.); Марья-то, слава богу, опросталась [18, вып. 6, с. 67]. Физиологические подробности появления ребенка на свет упоминаются весьма скупой, обычно в рассказах о сложных родах: ...а роды-то пошли не так – пуповиной обвилю всю шею-то, думали, задохнется (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.); ...Матка твоя рождая тебя мучилась двое суток, что ты, т е Я пошел в родах не как следует, а наоборот и что долго не хотел рождаться и меня хотели извлекать по частям (В.А. Морозов, 1906 г.р. [2, с. 67]) – эта информация в народной культуре не предназначалась для чужих ушей. Относительно полное описание ситуации рождения ребенка встретилось в исследуемом нами контенте один раз, в рассказе В.А. Морозова (1906 г.р.) о спасении женщины, родившей незаконнорожденного ребенка в укладке дров [2, с. 115–117].

Прислушался, стою на судне и явственно слышу снова стон и плач «Ой ой родная мама умираю», тут у меня от испугу мурашки по телу пошли, чего я боялся то это толь-

ко покойников, Ну думаю, какой нето утопленник под баржой, стонет его бедная не оттаявшая попом душа.

Слышу снова стон и вскрик с плачем «Ой Господи люди помогите!» раздалось вверху, на березу дето в дровах, с меня от этого крика все чертово наваждение и трусость моментально отскочили. Я не медленно спустил с баржи трап и бегом побежал к дровам. оббежал кругом костров, нечего нет негде не кого. Остановился слушаю, и снова стон «Ой Господи, мама помогите» раздаётся гдето из середины складки, Я моментально залез на костры и пошел по направлению раздающихся стонов.

Сверху мне видно что не которые костры не заполнены и между ними имеются полости подобье ям до самой земли и я пошел обследовать эти углубления по каждому костру и вот вижу в одной такой яме, что то копошиться и я громко позвал, кто тут и что делается, а оттуда слышу сквоз стон и плач, не подходите, кто вы такой, Я говорю не бойтесь Я шкипер тут стоящей баржи, что с вами случилось, чем вам помоч и кто вы? Ой, ой, вам не надо знать кто я, только принесите мне воды нож или ножницы и веревочку. Я моментально сбегал на баржу захватил пол ведра воды, ножницы и конец веревки отрубив от лесости метра два, поднявшись в гору взлез на дрова и все доставил к месту катастрофы, хоть было уже темно время осенней сентябрьской ночи, ноя с вершу с костра спустил на веревке ведро с водой и к нему в приложение ножницы, слышу подает голос в роде женский, теперь говорит уйдите от меня подальше я говорит когда надо позову, Я отошел метров на 10 – думаю ножницам не зарежется, и удавиться не дам, да и балки не где не какой нет. Я боялся, что тут совершилось какое то злодейство, и может, ест ли я подам свой нож, то он может послужит более озверевшему злодеянию – Стою на костре и жду позыва, вдруг раздаётся слабый – зов, где говорит – нитка то я не могу найти, вы говорю просили веревку та смотрите к ведру то привязана, не понятной говорит ты мне нитку-варовину надо, такой говорю нет у меня, неси говорит катушечную, Я быстро сбегал снова на судно схватил – была катушка черных ниток и отмотав метра два закрепил и так на весу нес и спустил ее в руки прямо – вижу плохо в темноте но ей то с низу к небу то лучше виднее, уйди говорит, позову. Я так и сделал отошел метров на семь-восемь жду, вдруг слышу писк какой то в роде плач ребенка, жду меня разбирает любопытство, в голове всякие догадки, слышу всплески воды и явственно плач маленького детенка, что говорю делается, режет видно она его, кричу Что ты такая сякая делаешь губиш ребенка, я сейчас, побегу в деревню и тебя словим и посадим в тюрьму, ответа нет и плач детенка прекратился, Ну думаю, зарезала или удушила моей то веревкой и моим то ножницам, а я какой глупец в место помощи человеку, оказался соучастником душегубца.

Подождав немного Я подошел прямо к тому месту где должна совершиться катастрофа и громким голосом командовал Кто и Что ты давай вылезай скрывают теперь тебе не чего все я знаю, от туда еле слышно стоном («Нет силы, помоги, мне не вылезти»).

Я сразу спрыгнул в низ а там меж кострами действительно темно, где говорю, ты а и сам по баиваюс, думаю прикинулся, враг пырнет ножом и я вместе с ними буду убит. Слышу Не бойся говорит Я ослабла и замерзла мне холодно. Я подошел на ошуп чувствую человек – женичина вся трясется от озноба, даже зубы чакают, спаси говорит умираю, но мне вет тоже на двух метровую высоту с человеком не выскочит, и Я стал не медленно выбирать и выкладывать дрова, разбирая место лаза. Осторожно говорит «не приберй нас у меня тут еще и ребенок». Я подладил лаз, проверил можно ли подняться на костры, Ну говорю теперь уж можно давай вылезай Нет, говорит, Я не смогу оставьте нас тут нам все равно жить не надо лучше умереть.

Тут я понял всё, действительно всё и мне их мать и ребенка стало жалко, За что они должны погибать, кто бы они ни были но люди, живые человеки, и им Я обязан оказать первую помощь Я кое как поднял женщину на верх в месте с ребенком, а она полубезсознательном состоянии и ребенка прижала к себе и не как не отпускает, Я кое как дотащил её до конца костры, так же скидал дрова с концевой клетки, оставив метровую высоту положил ее ниже сам соскочил на землю и понес её под гору к трапу как Я снес ее на судно и занес в каюту, представит потом не мог, положил ее на койку укутал своим горбатым полушубком и поверх еще своим стареньким лоскутным одеялышком, и снова затопил печку хот у меня и было тепло в каюте, а видя как вздрагивает человек женщина я понял, что ее знобит и она без чувств не ответила на мои вопросы, думаю в таком состоянии она крепко держа сверток у груди, удущит своего ребеночка, а он ровно понял мои мысли вдруг запищал.

Я уж тут отложил всякое стеснетье, и легко осторожно отнял от нее этот сверток и положил ближе к теплу а налив стакан горячего чая стал поить женщину, первая она не глотала и чай попал ей на грудь, а потом проглотив теплого она открыла глаза, свет у меня в каюте был от керосинового фонаря не слишком уж велик но все же каюту освещал и все предметы было видно.

Гляжу оба эти человека дышут, я успокоился и стал продолжать начатый с вечера ужин, снова конечно все перегрел в топившейся печке, в каюте у меня получилась такая жара, что с меня за ужином кинуло в пот, а потом захотелось спать. Я вышел из каюты пристроившись у кормового фальшборта под румпелем не заметно уснул.

Описывая весьма неординарный эпизод своей юности, повествователь акцентирует внимание не на физиологических, а на социальных аспектах описываемого им происшествия.

Говорю вы все же взрослый человек, что случилось то случилось и уж нечего тут стесняться и тужить благо оба остались живы, на земле места много и вам со своим птенцом места на нашей земле хватит, и что говорю не случись всё к лучшему.

Как говорит вы не понимаете что это результаты несчастной любви, он то ушел в армию ему то просто, а вот мне то как вет я не венчанная, вот я из дому со стыда сбегала, хотела давиться, хотела утопиться, да так бы и зделала, а теперь как вет две души надо губит ну моюто туда и дорога дура проклятой а он то ангелочек мой за что будет погублен, а и жить ему будет невыносимо, всю жизнь его будут укоряют, мол – нагульши безотцовщина, подумаю так хоть сейчас в воду, хоть потом выхода у меня нет и пошто ты меня от смерти спасал лучше бы мы там в поленищах сдохли, и заплакала теперь мне – куда деться.

Видя такую ее печаль и мне сразу отхотелось есть. Ну думаю там не умерла, утопится еще с моей баржи. Вот думаю бог дал и че(р)ту не надо, как же теперь быть, а с таким настроением она утопится, обязательно утопится – долголи всего до борта четыре шага скочит и в реку и как не бывало, только круги по воде разойдутся.

Ну, говорю девка, озадачила ты меня, так что и мне за вами хоть тоже в воду. Но мне то вет не лъзя Я ответственный за судно и за всё что на нем и в нем, так вот давай по другому думать, мне утопиться нельзя, не положено оставлять казенное имущество без присмотра, но и тебе топиться не резон как бы ты была одна то бог с тобой делай что вздумаеш сама себе хозяйка, а теперь у тебя маленький деток на руках, как ты его будеш губит; топит как котенка или голову топором рубит или еще как, подумай потащат в народный суд, судить будут на виду всего народа все будут указывать на тебя вот мол мать убийца

своего не повинного младенца, а есть ли ты вырастиши таково парня всем на завидость, красивого рослого да образованье еще он может получит, будет инженером каким начальником, да может и отец его вернется с фронта и вы сможете с ним повенчаться, он наверно вас любил да и тыто вет не с первого свидания отяжелела.

Нет вам топиться и умирает совсем не резон, давай ка вот садис к столу позавтракаем да брось обо всем тужит, не стоит и жить а уж остались живы то надо находит выход из создавшегося положения. Россия говорю велика прокормишия и сына выкормиши, только не тужи.

Ох говорит, тяжело, тяжело на душе и стыдно хоть теперь ты и все знаеш а все равно мне стыдно. Говрю чего тебе стыдится ты меня не знаеш кто Я и от куда, да и Я тебя незнаю кто ты и от куда – вижу что молодая мать ей надо кормит родового ребеночка, а по этому надо и самой питаться по лучше, моя мать всегда так делала после родов питалась по чаще и лучше, она нас народила восьмерых и все мы живые вот такие парни, давай садис да еш.

Таким образом, ситуация беременности и родов в записях устной речи жителей Вологодского края представлена в речи информантов как одна из самых «закрытых» от внешнего мира, связанная с соблюдением различного рода запретов, нарушение которых может оказать негативное влияние на судьбу матери и младенца.

КРЕЩЕНИЕ, ВЫБОР ИМЕНИ ДЛЯ РЕБЕНКА

Обряд крещения и выбора имени для младенца играли определяющую роль при введении его в мир крестьянской общины: после совершения крещения и обретения имени ребенок приобретал все «права и обязанности» ее члена.

Крещение младенца, особенно хилого и ослабленного, стремились произвести как можно раньше, чтобы в случае смерти ребенка можно было похоронить по христианскому обряду: *А дело это было неотложное, т к мать моя лежала дома тяжело больная после таких родов да и её малыши на ладан дышал, чуть жив вот, вот умрет. Моему крестному пришлось снова бежать в поле к попу. Объяснить ему, что младенец умирает, и что не крещенного хоронит противозаконно (В.А. Морозов, 1906 г.р. [2, с. 68]).*

В момент крещения младенец обретал крестных родителей: *«У каждого младенца была хрестная [18, вып. 11, с. 209]; Вот Матвей и будет мне божка, крестил меня [18, вып. 1, с. 36]; Я ей божаткой буду, из купели принимала [18, вып. 1, с. 35]; Из купели вынимают робёнка, дак божатка и держит» [18, вып. 1, с. 35]; Есь и божатка, есь и куманёк, так и окрестили [18, вып. 1, с. 35].* Обычно ими становились кто-то из родственников или соседей (*Боженька уж пять лет как умерла, маткина сестра была [18, вып. 1, с. 35–36] Племянюшка зовут всё божата да божата [18, вып. 1, с. 35]; Божатка – дак это папиного брата жена будет [18, вып. 1, с. 35]; Божат – он у меня из другой деревни был [18, вып. 1, с. 35]; Дядя да и божатко этому Алёхе он был [18, вып. 1, с. 35].* Крестные родители заботились о своем крестнике (*Божат и божатка меня любили [18, вып. 1, с. 35]; На каникулы-то опеть, наверно, к коке пойдёшь? [18, вып. 3, с. 67]; Божатка тебе новую рубаху купила, говорит: «Хрестнику на именины» [18, вып. 11, с. 209]; Крестная у меня была Валентина*

Алексеевна, материна сестра, мать Фурина-то Коли. Она приходила часто в деревню и приносила нам, детям, гостинцы. Если пришла тётя Валя, то у нас радость и праздник (Н.П. Шабров, 1938 г.р., запись 2008 г.). В свою очередь крестник оказывал своим крестным родителям особое уважение: Вот Олька будет замуж выходить, уж меня дожна на свадьбу пригласить: она мне хреснича. Хреснича дарит на свадьбе божатке подарок [18, вып. 11, с. 209]. Внутренняя форма наименований крестных родителей и детей эксплицирует идею их духовного родства, скрепленного христианским канонем: Бог – ср.: божа, божка, божата, божатка, божат, божатко, боженька; крест – ср.: крёстка, хрёстная, хрёстный, хрестник, хрестница.

Информанты, родившиеся в середине XX века, достаточно скупо описывают атрибутику крещения: Меня два раз крестили: вон в часовенке и у Кати Хаптовой во дворе, в ванне (Н.Н. Бакланова, 1940 г.р., запись 2018 года); Божатко из купели принимал ребёнка [18, вып. 1, с. 35]; Дмитрий Петрович Татауров матери-то был крёстный. Он в Питере служил. Когда крестили её, сам в деревню приехал и привёз ей крестик золотой, дак она его потеряла, ребёнком ещё (Н.П. Шабров, 1938 г.р., запись 2008 года); Вот крещаются когда, младена одевают в белую рубашку: от родительского греха – омываюце [22]. Выбор имени ребенку, судя по воспоминаниям информантов, был уже мало связан с церковным календарем, определялся рядом других обстоятельств: младенцев нередко называли в честь кого-то из родственников (Дедушко был Павел, дак и сына назвали Павлом (Кир. Борб.) или людей, оказавших влияние на судьбу матери (А рожала-то я с акушеркой, Ольга Николаевна звали, она мне девку-то и спасла. Дак я и назвала Ольгой (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 г.); Моему крестному пришлось снова бежать в поле к попу. Объяснить ему, что младенец умирает, и что не крещенного хоронит противозаконно. Тогда поп спросил как его зовут – моего крестного пехнув в руки крестному плуг дал указание чтоб он допахивал полосу, сам побежал в церковь, придя, взял младенца и начал купать в купели сотворяя обряд, нарек имя Василий, так ест именем моего Крестного, без всякого рассмотрения в именных святцах... (В.А. Морозов, 1906 г.р. [2, с. 68]).

Информанты припоминают единичные случаи изменения имени, данного при рождении. Имя менялось уже в сознательном возрасте под влиянием социальных обстоятельств: Была Зойка Порошкова, а приехала к нам завклубом, дак стала Розой. Зойка – не так баско, а тут Ро-о-оза! Взамуж за Толю вышла – и получилась Роза Гусева (Кир. Борб.).

ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ РЕБЕНКА

Физическое и психическое здоровье ребенка, определяемое по его внешнему виду и поведению, рассматривалось как физиологическая норма (ср.: здоровец «крепкий, здоровый ребенок») Вот какой у тя ребёночек: не чахнет, не болеет – здоровец да и только [22], по соотношению с которой маркировались различного рода отклонения: ситуативные, вызванные временными недомоганиями (Какой парень соплюн,

только и подтирай под носом, весь фартук мокрый [18, вып. 10, с. 80]; Уши-те обнесены у девки, золотушные [22]; Глянь-ко, у девки-то письяк, Вот когда песьяк, дак наде плюнуть в глаз [18, вып. 7, с. 52; 22] и др.) и более сложные: а) отставание в развитии вследствие недоношенности (Тётка Дуня четырёх недоносшей на печи отогривала, ничего девки выросли [18, вып. 5, с. 90]), б) нарушения опорно-двигательного аппарата, обычно вызванные рахитом (Седуны у нас был Андрюха, долго не ходил, всё сидел. Седуны все сидят, ноги калачом; Ребята-то есть седуны. У Танюхи девочка два года, а не ходит. Парень – седун, а девка-то – седунья [18, вып. 9, с. 116]), в) проблемы с развитием слуха и речевых навыков (ДеУка-то кувайка, да и парень у них кувай [18, вып. 4, с. 11]; Лявля. Что лепечёт – не понимаю [22]); г) умственная отсталость (Ну и куимко у них растёт, совсем дурак [18, вып. 4, с. 13], Сын-от у их растёт – половина дурака [22]; Сын-от у её безумка [18, вып. 1, с. 28]; Вон полубелая идёт, ну недоразвитая значит [18, вып. 7, с. 114]); д) Мучным мешком хлестнён «о состоянии умственной отсталости» Что взрослый, что робёнок – мучным мешком хлестнён, не понимает ничего (Сямж. Монаст.) и др.

Ситуация болезни как особого физиологического состояния ребенка включает в себя ряд составляющих, вербализуемых в записях устной речи жителей вологодской деревни. Это симптоматика болезненного состояния, причины его появления, этапы развития от возникновения до завершения – положительного (выздоровление) или отрицательного (смерть), описание средств и способов лечения болезни медицинскими работниками или народными целителями.

Симптоматика болезней формулируется тремя основными способами: 1) наименованием больного органа как вместилища болезни (Не прималындывайся, Васюта, знаю, не нога у тебя болит, а идти не охота, да не возьму тебя на руки, сам устал [18, вып. 8, с. 53]), 2) безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (Трясца-то начнётся, так прямо нет никакого спасу: всё тело ломит [18, вып. 11, с. 70]), 3) неопределенно-личными конструкциями, выражающими результат чьего-то злого умысла (Робёнка родового не кажному кажут – обаять могут, заболит робёнок-от [22]; Огороды знали: если робёнка озычают, дак к знацихе, она пошощёт – поди, и лучше будёт (Кир. Борб.)). Исследователь славянской лексики народной медицины В.А. Меркулова соотносит подобного рода конструкции с древнейшей демонологической сферой и отмечает их устойчивость в русских народных говорах [10, с. 158].

Заболевания, которым подвержены дети, могут быть общими для детей и взрослых. Это, во-первых, **инфекционные заболевания**, различного рода эпидемии: Нонче повертуха ходила, так много детонек переболело; Повертуха ходит, у всех голова болят, или у детей у всех глаза загноятся. И у скота повертуха бывает [18, вып. 7, с. 78]; Что к фершелице идти, когда такая поветря ходит? [18, вып. 7, с. 79]; Все как одинако заболели, возьми грипп, пошестуха [18, вып. 8, с. 30]. Во-вторых, это различного рода **лихорадки**: На его опять нашла лихоманка, опеть

трясёт [18, вып. 4, с. 42]; Лихорадки у нас две было: одна трясунья, другая томительная [18, вып. 11, с. 70]. Лихорадочное состояние, по народным представлениям, лечилось заговором: Кумоха-то у него давно, уж шестой год не проходит, заговорить не могут [18, вып. 4, с. 19]; От лихоманки баушки чёго-то шёттали, да от озыка, от чёго только не шёттали! (Кир. Борб.). В-третьих, это различного рода болезни, приводящие к изменениям кожного покрова (У робетишок ишас экой свороб-то ходит; Свороб очесался, заболел он. Я пришла, а сын лежит [18, вып. 9, с. 107]; В масленичу-то надо мужикам молодых покатать в снегу, шобы детей не было своробатых [18, вып. 9, с. 107]; Видела в городе хруноватика, аж и смотреть страшно; Он в робятах-то был хруноватой [18, вып. 11, с. 211–212]), появлению различного рода новообразований на коже (Булышка вон у робёнка какая сделалась! [22]; Этта на ноге-то у меня эдакая валюга скочила, болячка большуишая [18, вып. 1, с. 55]; Желви красные скочили, по всему телу разошлись [18, вып. 2, с. 81]; Все ноги да и руки в пупырях [18, вып. 8, с. 108]; Пупыщи скочиУ, лихо и рукой повернуть [18, вып. 8, с. 108] и др.). В эту группу входит также слово *кила* (ср.: *килá* (прост.) ‘выхожение (преимущественно из брюшной полости) под кожу какого-либо внутреннего органа, грыжа’ [18, вып. 2, с. 48]). В вологодских говорах этим словом именуются различные воспалительные опухоли и нарывы на различных частях тела, по суеверным представлениям, появляющиеся в результате чьего-либо злого умысла: Мне Офонька рассказывал: «Мы у Дюни Плахинской репу таскали, дак она услышала, вышла на крыльцо и говорит: “Вот щас кил-от насажяю!” Мы бежать. А утром смотрю – всю щёку разнесло! Да не знаю, что и делать. Побежал на Плахино, ревлю: “Баба Дюня, это я вчера репу таскал!” Она посмотрела на меня. “Хорошо, – говорит, – что сказался. Иди домой, помажь хорошенько, и всё пройдёт”» (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 года).

Среди новообразований на теле следует отметить также *волок*: этим словом, по замечанию М.К. Герасимова, собирателя севернорусской лексики народной медицины, назывались *свищи*, *холодные нарывы*, *костоеда с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса* [3, с. 26]. Появление конского волоса в теле человека, по рассказам информантов, связано с воздействием внешних сил: Волос-то тожо их рук дело, знаткёв (Кир. Борб.) – и с нарушением запретов на купание в холодной воде после Ильина дня (2 августа):

- Так август! Теперь конский волос пльвёт!
 - Какой конский волос?
 - Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Фсё раньше нас тоже стращали.
 - Так это чёво такое-то?
 - Не знаю я чёво и сама!
 - Откуда, бабушка, конский волос?
 - Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца.
После фторого августа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано ф численнике (Н.Д. Шиловская, 1938 г.р. [7, с. 192]).

Для устранения волоса из тела человека совершались особые целительские манипуляции: *Волос-от у*

меня у Колюшки был, дак Лебедева научила: «Ты, говорит, щёлочу наделай в таз, и пусть сидит, волос-то и выйдег». Я наделала сама, а, видно, волос-от крепкой, не выходит. Да я снова к ей: «Александра Тимофеевна, волос-от не проходит!» Да она сама пришла, чёго-то пошептала, прошло. А как волос-от убрался, я и не видала: видно, ночью вышел (А.А. Шаброва, 1911 г.р., запись 1998 года). В подобных манипуляциях отражаются древнейшие зооморфные представления о болезни (подробнее об этом: [17, с. 250]).

Другая часть болезней свойственна преимущественно детям: *Ребёнок заболел, вяленький такой, дак скажут: «Ну, опять какая-то кумоха привязалась. Каждая кумоха к нему привязывается»* [18, вып. 4, с. 19]. Информанты вспоминают болезненные припадки у маленьких детей, сопровождающиеся судорогами и потерей сознания (*У ей у робёнка-то родимец бывает; Родимец, бывает, найдёт, так вы маленьких робят не будитё. Оне сутки, трои проспят, потом и сами проснутся* [18, вып. 9, с. 61]); корь (*Красная сыпь по всему лицу, сыпхой зовут, у детей часто бывает* [18, вып. 10, с. 177]); дифтерию (*Тожно горланка её задавила; Дити горлянкой болили* [18, вып. 1, с. 123; 22]); золотуху (*Сполохи у ребёнка бывают, глазки засыпаются, сполошной травой моют* [18, вып. 10, с. 100]; *А золотушная трава для белых людей от золотухи помогает* [18, вып. 2, с. 176]; *Серьги Людке отдала свои золотые с красным-то камушком – всё детство золотухой маялась, а серьги как вздёрнули, дак и прошло* (Н.Н. Бакланова, 1940 г.р., запись 2018 года); опрелости у детей (*Посмотрела у девки, а у её опар, да ишию какой опар-то!* [22]); болезненный испуг, заикание (*Пыуко хорошицо та бабушка преполохи снимала, все её и звали. Переполох-то снимают всяко: кто в бане, а кто дома через ниточку – вот и перестанут заикаться* [18, вып. 7, с. 42]; *А всякая трава сполошисной бываёт. Как белой робёнок, дак белая трава надо. Принесут, в чайник положат и поят. Испугается робёнок, дак и моют робёнка, чтоб испуг прошеУ* [18, вып. 10, с. 101]).

Помощь при лечении детских болезней оказывали не только представители официальной медицины (*фершал, фершелница, медик, медичка, дохтор, дохтурница* и др.), но и люди, обладавшие особым знанием: *ворожбунья* [22], *забáйда* [18, вып. 2, с. 93], *знаток, знатиха* [22], *пухтáрка* [18, вып. 8, с. 112], *шёттáрь, шептун, шептунья, шептуха* [18, вып. 12, с. 84]. Значительно чаще, чем особые, характеризующие названия, употреблялись слова «бабка» или «бабушка»: *Позовут бабку-шептунью, она и заговорит – вся грыжа пройдег. Всё ведь маленьким заговаривали* [18, вып. 12, с. 84]; *Пыуко хорошицо та бабушка преполохи снимала, все её и звали. Переполох-то снимают всяко: кто в бане, а кто дома через ниточку – вот и перестанут заикаться* [18, вып. 7, с. 42].

Смерть ребенка была достаточно частым явлением: *Вон у Виюшки пятёро рождалисё, а ни один не пожил робёнок-то* (Кир. Борб.); *У Шуры-то шестеро детей было: ещё перед Ниной была одна Нина, а перед Валентиной был сын Володя. От скарлатины который-то помер, а другой – не знаю* (Межд. Ту-

ров.); *Опять младенец умер, родимец зажал* [18, вып. 9, с. 61]); *У бабушки Парасковьи ещё дети были, то ли она их заспала, то ли что. Их в подклете Цыпинской церкви хоронили. Считалось, что теперь они будто ангелы* (Кир. Борб.). Представление умерших младенцев в образе ангелов или голубей, ангельских птиц весьма устойчиво сохраняется в рассказах информантов: один из подобных рассказов мы нашли в описании сна Нины Дмитриевны Шиловской, 1938 г.р. [7, с. 195–196].

Сон об умерших детях

...На фсю жизнь запомню... Очень он интересный... Мама три дня перемирала... И увидела сон такой. Будто как она на том свете ходит, и видела своего мужа, будто он сидит, читает книгу... И потом, говорит, будто идёт, а поляна баская, а на ней ребятишки бегают... Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там... Вот я, говорю, подхожу и говорю: «Нет ли моих-то ребят у меня?» А у неё ведь умерло тоже два ребёнка, маленьких... А её заведущая говорит, в белом халате: «А вон там тоже поляна, там тоже бегают».

На этой моих нетока, пошла дальше. Иду, говорит, на фторую поляну. Ой, говорит, вот кто, говорит, одет в носочки одни, либо ф тряпочки другие. Ну-ко раньше ф тряпочки закутали. Они фсе, говорит, и разлохматились штучки-то. А кто, говорит, в ботиночках, тот в ботиночках и бегае. Я, говорит, взяла своих ребятишек: одново на одну руку, другова на другую. И пошла. Как только, говорит, первые двери прошла, фторые двери, говорит, стала проходить. Они, говорит, у меня голупкам зделались. И улетели. Оба. Осталася одна, проснулася. Замечательный сон. Голубям нужно фсе бросать. Это дети наши маленькие. Выкидьши делают, аборты делают. Голупки – это эти-вот, фсе. Хороший сон.

Причину смерти детей информанты комментируют скупно, без подробностей, не акцентируя вину кого-либо в смерти ребенка (*Один, двойняшки были, Митька да Колька, в одной люльке, один сильнее – так залягал одного* (Кир. Борб.)) или подчеркивая невозможность наказания для этого человека (*Девочка двенадцать годов, дожила до двенадцати, двенадцать годов было девочке. Этот, как его, председатель колхоза лошади не дал ей. Босиком бегала, занозила ногу в лесу – и вот, заражение, свалилася, откинула хвост. Всё. Умерла от заражения. Сейчас бы знаешь, этого председателя, засудили бы, а раньше, видишь, халатность всё. Председатель лошади не дал, а до Кириллова вести далёко. Она не могла идти, сама идти, раз нога опухла, заражение уже. Так она и умерла, двенадцатилетняя* (Кир. Борб.)). Во многих рассказах информантов в качестве причины смерти детей называются голод и лишения военного и послевоенного времени: *У Клаши-то Витька да Колька, кроме девок-то, были, дак один в голод-то и помер. Матка закрыла на сарае, что-то он наблюдал, а приходит – он уж и помер* (Кир. Борб.).

В этнографической экспедиции 2016 года по Тотемскому району Е.Ф. Югай записала со слов местной жительницы А.В. Кукановой, 1931 г.р., два текста причитаний по умершему ребенку (расшифровано нами):

1. *Моё красное солнышко, моё жалостливое дитя! Как о детях ревишь. Я не знала, да не ведала, что придёт-то ко*

мне, да молодёшеньке, да моё-то да горе горькое, да и печаль-то великая. Так и приходится – то, дитячко, нам расставания эти горькие на веки вечные. И уведут-то тебя, дитячко, со родимой сторонушки, да в путь-дороженьку страшную, страшную да небывалую. Куда век-то не бывано, куда никто не хаживал. Привезут-то тебя, дитячко, во царство-то, в церковь божественную, во святую могилушку, в жёлтый-то песочек тебя на жибушку вечную.

2. *Не дойдите, да недоглядите сюда, тебя, лада моя милая, так и подуйте, ладушка, на твою святую могилушку, ветерочки буйные, и надуйте вы, ветерочки, на твою святую могилушку, да и жёлтые песочки и захлестните вы, дитячко, твоя доска гробовая, так ты и откройте, моя лада милая, да свои оченьки ясные и распечатайте... Да ты останови-ко мне горе горькое, да ты словечко прекрасное.*

Анна Вениаминовна Куканова, описывая местные традиции поминовения умерших родственников, обращает внимание на те особенности, которые связаны в народной культуре с умершими младенцами:

– На Троицу ездят. Обязательно, тут церковь. Этот день разрешённый. Всех разрешают: утоплящих, удвлящих. А ведь таких не помянут внутри церкви. Нет им поминания. И их в троечную субботу, в разрешённый день всех поминуют <...> Дай, Господи, царство небесное и светлое место всем усопшим родителям. Помяни их, Господи, во царствие небесном... их имена. А вот которые роятся некрещённые, я родила паренька некрещённого, мама пошла в церковь и спросила у батюшки, а уж у каждого, говорят, попа свой устав. Вот к батюшке ходила и сказала, ночью вот родила мёртвого, так как его помянуть? Вроде он не крещённый. А он сказал: «Мать может помянуть, а мы в церкви не можем». А мать ежедневно поминает: «Помяни, господи, безымянного дитячка, во царствие небесном за упокой, дай ему, господи, рай прекрасный». Батюшко сказал: «Он не крещённый», а как крещёные – в раю детоньки, так они, говорит, играют, ангелки их утешают, а на них глядят эти, некрещённые детоньки. А у нас много этаких. Аборты делают. Вот у меня подружка в церкви не поёт, «Ну, – я говорю (не разб.), – ты уж о царстве небесном». «Нет», – говорит. А я говорю: «Почто из церкви не выходишь? Гляди-ко, батюшко поёт». Она говорит: «Много абортов делала». Он и сказал: «Вот, – говорит, – Лидия, я тебе скажу: как ты это за что хочешь принимай, а тебе царства небесного не будет, и дитя не простит. Ему бы надо жить. Видишь, – говорит, – которые мёртвые роятся, некрещённые, глядят, как эти ангелки с этими детоньками играют».

– А кто играет-то с ними?

– Ангелки, которые крещёные, с младенцами-то. А те только глядят в их сторону головушкой.

– Так они тоже в раю?

– Какое в раю! Их не поминуют, некрещённые дитячко. Так только и моли! Я родила мёртвого паренька, мама сходила в церковь, батюшко и сказал: «Купи сорок крестиков и ты, – говорит, – раздай, которые роятся не крещённые, не крестили младенцев». Так она пятнадцать сразу раздала в церкви, эти младенчики, ещё не крещённые. А суды приехала, так в каждом доме всё ребёночек родился так. Вот как.

– А почему сорок?

– Сорок крестиков? А сороковую зачем справляют-то?

– Они говорили, что они яблоки там едят? В раю дети-то?

– Нет, яблоков не дают детям там. Нет-нет. Там Бог питает святым духом. Нет-нет. И зовётся Святой Дух. Мама-то всё рассказала батюшку-то, он говорит: «Нет, родители могут, а в церкви нет».

- А говорить-то нужно, что вот утешь там его?
- Да. «Утешь, Господи, безымянного дитятка во царствие небесном за упокой. Дай им, Господи, вечную память». Рай не говорят. Он не в раю.
- А вы его и поминаете.
- А родителям разрешено. Ведь уж тепере давно... уж, 80 доживаю годов, а помянуть – помню в субботу. Каждую субботу.
- А похоронен где?
- А где? Тут у церкви. Я здесь живу-то.
- А вот по детям причитают?
- По младенцу?
- Да.
- А батюшка не разрешает.
- А причём-то плачут?
- А причём-то, рёвом-то ревят, а батюшка никак. Безвиное дитятко, он ни в чем ещё не досадил. Чтоб ему на небесах жить-то, так нет. И не велят, только их помяните словом в церкви и всё, как это крещённые, а некрещённые – им нет.
- А причём-то вы по нему не плакали, что «мое милое дитятко»?
- Нет. Как двенадцать часов было-то уж, родился так. Я уж поревела об нём. Дедко так всё вино пил, ему хоть бы хер, вино пил, всё даром. Родную мать продаст. Ой, девушки, я ведь на авось жила.

Таким образом, описание экзистенциальных ситуаций возникновения и прекращения бытия ребенка дает возможность выявить типологические черты языковой картины мира вологодского крестьянина. Во-первых, это первичность биологического выживания человека в весьма сложных природных и социальных обстоятельствах, приоритетность продолжения рода и необходимость ранней социальной адаптации человека (в данном случае – ребенка) к сложившемуся укладу крестьянской жизни. Во-вторых, это традиционность восприятия мира, сохранение в крестьянском сознании древнейших мифологических представлений и заметно преобразованных под их влиянием идей и ритуалов православия. Наконец, в-третьих, обращает на себя внимание специфичность проявления эмоций по отношению к ребенку: он является объектом семейной гордости и материнской ласки, которые имеют весьма сдержанное внешнее проявление в обозначенных ситуациях: это может быть связано, на наш взгляд, с опасениями человека разрушить собственное семейное благополучие неосторожным словом.

Литература

1. Власкина, Т.Ю. Зоокод репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в донских говорах (архисема «способный и репродукции») / Т.Ю. Власкина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 85–91.
2. Волкова, Н.А. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, М.Г. Мельникова. – Вологда: ВоГУ; Череповец: ЧГУ, 2017. – 232 с.
3. Герасимов, М.К. Словарь Череповецкого уездного говора / М.К. Герасимов. – Санкт-Петербург, 1910.
4. Демидова, К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография / К.И. Демидова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. – 110 с.
5. Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева; науч. ред. Т.Н. Бунчук. – Сыктывкар, 2008. – 200 с.
6. Комиссарова, Т.Г. Субъектно-объектный мир детства в языковой картине мира вологодского крестьянина / Т.Г. Комиссарова // Севернорусские говоры. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – Вып. 17. – С. 129–140.
7. Зубова, Н.Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. канд. филол. наук / Зубова Н.Н. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 206 с.
8. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.
9. Костромичева, М.А. Этапы становления ребенка: особенности именования в говорах / М.А. Костромичева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 76–78.
10. Меркулова, В.А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка / В.А. Меркулова // Этимология. 1967. – Москва, 1969. – С. 158–172.
11. Меркулова, В.А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка / В.А. Меркулова // Этимология. 1970. – Москва, 1972. – С. 143–206.
12. Овсянникова, Т.Г. «Умел дитя родить, умей и научить»: лексико-семантическая группа «дети» в вологодских говорах / Т.Г. Овсянникова // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2012. – С. 229–234.
13. Овсянникова, Т.Г. «А внучок такой уж поназырь – сладу нет»: диалектная лексика, называющая детей в вологодских говорах / Т.Г. Овсянникова // Ярославский текст в пространстве диалога культур. – Ярославль, 2014. – С. 412–417.
14. Овсянникова, Т.Г. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения / Т.Г. Овсянникова // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: ВоГУ, 2015. – С. 50–55.
15. Основы теории коммуникации / ред. М.А. Василик. – Москва: Гардарики, 2003. – 615 с.
16. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 315 с.
17. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – Москва, 1995. – 416 с.
18. Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ; ВГПУ. 1983–2007. – Вып. 1–12.
19. Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВоГУ, 1017. – 604 с.
20. Угрюмова, М.М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис... канд. филол. наук / Угрюмова М.М. – Томск: Томский гос. ун-т, 2014. – 164 с.
21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва, 1987. – Т. 1–4.
22. Картоoteca «Словаря вологодских говоров» (ВоГУ).

T.G. Komissarova

**«WORLD OF CHILDHOOD» IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF VOLOGDA PEASANTS:
BIRTH, CHRISTENING, SICKNESS AND DEATH OF CHILD**

The article is devoted to the problems of cognitive dialectology. The author presents the language picture of the world of Vologda peasants concerning their understanding of various ideas about children and childhood. The concept «childhood» is characterized as a set of situations that make up human life. The article describes in detail the situations of the beginning of life (birth, christening) and its end (illness and death of a child). The conclusions of the work are based on the analysis of speech illustrations from the «Vologda Dialects Dictionary» and oral stories of rural residents, published in a series of publications «Folk Speech of Vologda Region».

Cognitive dialectology, concept «childhood», Vologda dialects, dialectal language picture of the world.